

Константин Арбенин

ДОМ

В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ

Сказочник нашего времени

На этот раз в нашей постоянной рубрике «Фантастика» не совсем обычный гость. Его имя не так хорошо знакомо ортодоксальным читателям фантастических рассказов, зато отлично известно любителям современной независимой музыки. Константин Арбенин – вокалист и автор всех песен Санкт-Петербургской группы «Зимовье зверей». У этого коллектива стабильный круг поклонников, музыканты не реже чем два в месяц собирают пусть и небольшие залы в Москве и Санкт-Петербурге, в клубах не выступают принципиально – хотят, чтобы их внимательно слушали. А иначе просто невозможно, ведь их тексты – настоящие стихи, сложные и многоплановые.

«Дом на сваях построен не мною,
Но я освоился в нем – и не ною.
Новый Ной с голубой волною,
Но войной не поможешь Ною.
Дом на сваях боится зноя
И присвоенных снов-видений.
Я покину его весною,
Сделав сноску на ноев гений.
Но – Евгений бежит наводнений,
А за ним мчится всадник из меди.
Масс-Медина как новый гений –
В доме на сваях мы в нем соседи...»

Константин Арбенин – серьезный поэт, обратившийся к песни для того, чтобы быть услышанным более широкими массами. В этом ему помог гитарист и аранжировщик Александр Петерсон – вдвоем они составляют костяк группы «Зимовье зверей».

Однако стихов и песен Константину мало – он давно пишет сказки. Две музыкально-драматических сказки – «Свинопас» и «Звери ищут лето» – музыканты поставили силами своей группы. А множество коротких сказок в прозе в последние пару лет активно осваивают книжно-журнальное пространство. Они уже публиковались в журналах «Знамя» и «Если», «Независимой газете», а недавно в издательстве «Лань» вышел целый сборник в комплекте с компакт-диском, на котором автор сам читает свои сказки.

Фантастика и сказка – направления близкие, разница все же есть. Так что, рассказ «Дом в конце туннеля» – это своеобразный дебют Константина Арбенина. Рассказ этот, как и следовало бы ожидать, отличается поэтичностью и некоторой сказочностью. Нельзя не заметить, как тщательно автор подбирает слова, как ловко играет ими – такое не часто обнаружишь в прозе... Рассказ не просто читается – он поется, словно песня. В нем есть внутренний ритм и рефрены.

Но и содержательная сторона произведения отнюдь не хромает! Константин Арбенин отметил необычайно тонкие нюансы во взаимоотношениях человека и дома. Любое здание – стремится к постоянству и основательности. Любой человек – к свободе и гибкости. В этом зерно конфликтов, с которыми могут столкнуться инженеры будущего.

*Андрей Щербак-Жуков
писатель, журналист, искусствовед*

Здравствуй, дорогой мой, любимый мой Дом! Моё родное пристанище, прибежище, жилище! Мой друг, опекун и наставник! Как же я соскучился по тебе, уютный мой! Девять лет я скитаюсь по вселенной, перелетаю галактики, перепрыгиваю с планеты на планету, ищу непонятно что, бегу неизвестно от кого, и все эти девять лет думаю о тебе, помню тебя, мысленно к тебе обращаюсь. А ты ни разу мне не написал, только короткие полунасмешливые поздравления с Днём космонавтики. Почему? Неужели ты, такой умный, умелый, памятный, до сих пор не научился писать? Не верю. Забыл меня? Тоже не верю. Может, тебе нечего мне сказать? Разве что так.

Ну да, видать, Магомету легче дойти до горы, чем дожидаться её, поэтому я сам решил высказаться, хотя бы после девятилетнего молчания расставить, как говорили древние, точки над «i».

Не буду спрашивать, как ты поживаешь, как чувствуешь себя, исправны ли твои системы, давно ли делали ремонт. Уверен, что всё у тебя в порядке, что стоишь на месте монументально, на то ты и создан таким - крепким, исправным, ко всему готовым. Есть ли у тебя душа, Дом? - вот о чём хочется мне спросить. Ранима ли она, или, как и тело твоё, создана из железобетона и взрывостойкого стекла? Вздыхаешь ли ты по ночам, дом, ну хотя бы мысленно?

А может быть, твоей душой был я, и с моим отлётом ты обездушил, стал всего лишь пригодным для жилья строением? Или нет, знаю, душа - она, та, которая осталась в тебе и с тобой. Ведь не бывает двух душ у одной сущности, вот я и вынужден был сбегать от вас в открытый космос, вот и оказался третьим лишним.

Зато теперь я не третий, я - миллионный лишний в этой вселенной, космический бомж, нелегальный иммигрант, мыслящая начинка одноместной маневровой капсулы. Я слоняюсь по вселенной, доверившись одному только автопилоту, а в штрихкоде у меня липовая приписка к какому-то далёкому карлику, на котором нет даже кислорода. Возможно, мой отлёт был глупостью, пусть так. Мне не привыкать делать глупости - я ещё на земле освоил этот род занятий, причём не без твоей помощи.

Помнишь, Дом, как ты дал первый свой сбой? Вроде бы мелочь: что-то там напугал с погодой и выдал мне зимнюю обувь, меховой плеер и куртку с подогревом, хотя на дворе была всего лишь осенняя слякоть. Но каково было мне! Все смотрели на меня, как на дурака, и я вынужден был, перекивая звучащего в плеере Шнитке, каждому посетову объяснять, что это не я виноват, что

это мой дом так меня вырядил. Я ещё никогда не чувствовал себя так глупо, я всерьёз разозлился на тебя тогда. Так разозлился, что подал в суд и потребовал удержать с твоего счёта пятьсот юаней - за моральный ущерб. И мне кажется, я имел на это право - думаешь, мне было приятно, что ты выставил меня полным идиотом! Да и сумма была чисто символическая - пятьсот юаней, подумаешь, я ежемесячно перечислял на твой счёт в четыре раза больше. А ты обиделся. Теперь я точно это могу сказать: да, ты тогда обиделся. Знаешь, зря: у тебя сбой, у меня сбой - всего-то программный вопрос. А что в результате? В результате именно с этого момента началось наше с тобой недопонимание. Так очень часто бывает с лучшими друзьями: они настолько исчерпывают друг друга, что чувства засыхают в их душах, и первая ничтожная мелочь вдруг высекает искру ненависти. Они начинают дуться друг на друга и раздувают эту искру до настоящего пожара. Дружба выворачивается наизнанку и становится сначала соперничеством, а потом и враждой. А в нашем случае был ещё и катализатор - то самое масло, которое древние добавляли в огонь. Катализатором была она.

И мысль привести в дом женщину пришла мне как раз после этой нашей размолвки. Нет, конечно, у меня был ты, но ты - это совсем другое. Ты - друг, помощник, ты никогда не возразишь и не откажешься выполнить мою команду. А человеку этого мало, человеку нужно, чтобы ему возражали. Истину он умеет добывать только в споре, в поединке, в бою. Человек рождает истину, убивая себе подобных или самого себя. Вероятно, поэтому все наши истины такие сомнительные. Комфорт утомляет человека, душа требует диссонансов. И вот я, человек, привёл её - женщину, королеву диссонансов, царицу размолвок, богиню скандала. И всё в тебе встало на свои места, то есть перевернулось с ног на голову.

Ты не представляешь, как я волновался, когда решил вас познакомить. Мне очень важно было, чтобы между вами возникла симпатия, чтобы ты принял её, чтобы она тебя полюбила. Я так тщательно готовил её к этой встрече, объяснял, как ты мне дорог, рассказывал, что ты для меня значишь. И, видимо, перестарался - сам подпилил сук, на котором сидел. Я и не заметил, как быстро ваши отношения перешли границы дозволенного. Да, поначалу на вас было просто смешно смотреть: ах, как она обустраивала тебя, как украшала всякими штучками, как дарила тебе модные новшества! Ах, как она нежилась в твоих креслах, как подкладывала полена в твой камин! Ах, ах, ах. И это она-то - та, которую воспитали отец с матерью, которая знать не знает, что такое быть пасынком своего дома, которая жилище называет не иначе как «место жительс-

тва»! А ты и рад был - всё шире разевал свой бесстыдно-алый рот, всё больше и больше обдавал её теплом, уютом, глазел на неё своими жадными зеркалами. Мне бы тогда догадаться, чем всё это чревато, а я, дурак, радовался, умилялся её домовитости и твоему гостеприимству.

Впрочем, гостем она никогда не была. В том-то всё и дело, что я не разменивался на гостей, - я сразу привёл тебе хозяйку. В первую же нашу ночь я посвятил её во все тонкости домоуправления, раскрыл пароли и коды, и сдал, так сказать, не только дела, но и позиции.

С чего началось, ты помнишь? Мне кажется, что с окон. Я люблю, когда за окнами лето, а она предпочитала позднюю осень. Мы начали пререкаться, потом быстро успокоились, решили, что окон много, пусть у меня в кабинете будет лето, у неё в спальне - осень, а в гостиной мы запрограммируем что-нибудь нейтральное или даже включим «объективку». Вроде бы, всё разрешилось. Но остался осадок, который очень быстро всплыл: в истории с нашим любимым композитором она уже проявила характер. Она твёрдо заявила, что не выносит «средневековых германцев», и все мои возражения, что средневековые сильно позднее, а Шнитке - вовсе не германец, результатов не возымели. Она упорствовала, говорила, что это невозможно слушать, что её укачивает даже от фамилии. Сама она предпочитала дожди - у неё была коллекция самых разных дождей: от грибных до проливных, от робкой ленинградской мороси до бешеных тропических ливней, после которых - потоп. И вот в её комнате всё время шумел дождь, и была поздняя осень. А у меня - лето, но уже без Шнитке, я уступил, я не включал больше музыку. И моё беззвучное лето стало поздним, как то самое средневековое.

А потом были тараканы. За большие деньги, по счастливой случайности, я приобрёл две дюжины отборных пегих прусаков с отличной родословной. Шесть племенных самцов, остальные - самочки. Мне очень нравилось, как они деловито шуршат на ночной кухне, как топчут лапками по разложенным на столе бумагам, ласково пробегают по предплечью во время сна. Я так им радовался. Но оказалось, что она не любит домашних насекомых. Это был наш самый мучительный спор, в конце которого мне как мужчине пришлось уступить. Сговорились на искусственном сверчке: забили в твою звуковую карту стандартный сигнал и локализовали его в районе столовой. А все прусаки одним волевым решением, одним нажатием клавиши были всосаны в очистительные розетки и погибли в твоём оптимизаторе. А что я мог поделать? Я же любил её, любил даже больше тебя со всеми нашими тараканами! Не мог же я донести «зелёным» на любимую женщину! Я вот только не по-

нимаю, почему этого не сделал ты, ведь по инструкции ты обязан сообщать о подобных вещах незамедлительно? Неужели уже тогда ты стал ей потакать и подыгрывать? Признайся, ты уже тогда решил за ней приударить, покорить её сердце своими сладкими выходками?

Зачем ты отобрал её у меня? Или ты не видел, что она для меня значит? Ты, созданный по образу и подобию ковчега, неужели забыл, что каждой твари должно быть по паре?

Кстати, о тараканах. На каком-то блошином спутнике за бешеные космические тугрики я купил на развод троих, завёрнутых в кусок туалетной бумаги с перфорацией.

Здесь тараканы никакие - бледные, маленькие, вялые. То ли мне подсунули однополых, то ли они совсем не способны размножаться в реактивных условиях, но ничего из этой затеи не вышло, на третьи сутки тараканы исчезли, как сквозь обшивку провалились. Я опять остался один, совсем один. К чему это я? А вот к чему: каждый человек имеет право на тараканов! Напиши это крупными буквами на своём кухонном мониторе, - пускай она читает и перечитывает, пусть мотает на ус.

Когда же вы успели сговориться? Почему ты принял её сторону? Почему, в конце концов, вы ополчились против меня? Неужели

дело в ремонте, в мебели? Неужели она подкупила тебя этим? Да, какось, я никогда тебя не ремонтировал, не покупал тебе новых кресел и тумбочек, мне даже в голову этого не приходило. А зачем? Разве ты не мог сделать это сам, разве у тебя не было соответствующей программы? Разве я, по мере своих скромных человеческих сил, не следил за твоей чистотой, за сохранностью твоего имущества? Я даже не разу ни готовил себе еды, ел только твоё, из каталога, чтобы только не покорёжить что-нибудь на кухне. Я ведь именно ради твоего блага никогда не приглашал гостей, разве что в детстве, на дни рождений, да и то ни больше трёх-четырёх одноклассников, самых спокойных и дисциплинированных.

Никаких танцев до упаду, никаких вечеринок с девчонками, никаких попок - ни в коем случае! Чтобы,

не дай бог, не пострадало твоё нутро, чтобы не причинить тебе боль, драгоценный мой! Думаешь, мне не хотелось порой гульнуть, как все, закрутить какую-нибудь чёртову карусель? Разве ты не оценил этой жертвы? Я относился к тебе как к равному, апеллировал к высшему твоему началу, как же ты не понял! Я дарил тебе книги, десятки, сотни томов из букинистических каталогов - что может быть дороже?

Господи, как же я скучаю по тебе, дом мой! Как же я хочу хоть во сне очутиться в твоей прохладной прихожей, не спеша полежать в твоей ванне, услышать под ногами скрип твоих отслаивающихся половиц! Никогда и ни к кому я не был так привязан, никогда и никому я не хотел быть таким нужным, никогда и ни от кого не ждал взаимности - только от тебя, дом мой, опора моя, моя крепость!

Она на это говорила, что я захламляю тебя, развожу пыль. «Кто всё это будет читать?» - спрашивала она. А иногда так: «Когда ты всё это будешь читать?» Боже, что за меркантильный подход к книгам! Она не понимала, что они нужны мне были не для чтения, а для уюта. У меня из головы, из сердца не выходит этот злополучный день, когда она протянула мне плоский пластмассовый бокс и сказала: «Держи, отныне ты не будешь душить нас своей бумажной пылью. Все твои книжечки я слила сюда». Она так и сказала - «книжечки». Три тысячи томов - с картинками, с засаленными корешками, с отпечатками немых детских пальцев, с записанными на полях мыслями и номерами те-

лефонов, с завалившимися между страниц кредитками, травинками и крошками от печенья - всё это вы одним махом пустили в оптимизатор! Варвары. Я понимаю, Дом, что не ты управлял этим аутодафе, но ты промолчал, ты согласился. Что стоило тебе сделать вид, что твой процессор завис, что запала какая-нибудь кнопка на пульте домоуправления! Нет, ты выполнил все операции с тупой солдафонской покорностью, будто ты машина, а не разумное существо нового поколения. Почему-то со мною ты не был таким безотказным, таким податливо исправным! Тебе, должно быть, доставляло удовольствие зависать на моих командах и чётко выполнять всё, что задаст она.

Признайся, от отсутствия книжных шкафов тебе стало лучше, просторнее, я слышал, как изменилось твоё дыхание, каким оно стало размеренным и глубоким. Опять изменился запах. Или мне это только показалось, и ты не чувствуешь разницы между запахом книг и запахом дисков? Я чувствую. Мне самому стало легче дышать, прекратились мои приступы астмы. Хорошо, возможно, это было сделано во благо всех нас. Но почему вы сделали это за глаза, пока меня не было дома? Почему ты не предупредил меня?

Ведь вы будто бы выстрелили мне в спину! Я почувствовал себя посторонним в тебе, я стал всё время оглядываться, корчить рожи твоим камерам слежения. Во мне что-то надломилось, и, когда она переселила меня на второй этаж, в пустующую детскую, я уже не спрашивал ни о чём и не сопротивлялся. Я приготовился к самому худшему: если женщина переселяет мужчину в детскую - это плохой знак. И вот она объявила о своём намерении сделать капитальный ремонт. Ну что ж, я всё понял, я наконец догадался, кто ей нужен на самом деле, кто ей дороже. Да и тебя я раскусил. Моя крепость предала меня, она открыла объятия этой троянской лошади, а сам я пал, развалился в одночасье, будто источенный термитами пень. Мне даже полегчало как-то.

Говорят, что в конце тоннеля обязательно должен быть свет, иначе тоннель не имеет смысла. Я девять лет лечу по этому мерцающему тоннелю, я видел десятки огоньков, сотни маячков, но света в конце я не вижу. Можно ли увидеть свет, когда ты сам двигаешься с его скоростью?

У нас здесь гравитация ни к чёрту, а когда, случается, вырубают предохранители, наступает полная невесомость. Я повисаю между приборными досками и вспоминаю те счастливые часы, когда мы с ней были вместе, жили вместе, и твои мягкие водородные кровати делали наши тела невесомыми, а души наполняли необъятной радостью. Как прекрасна была та невесомость - без дождей и без Шнитке, только шуршащий на задворках сверчок и наши дыха-

ния... Прости, что я говорю об этом, возможно, тебе неприятно, но ведь это было, ты сам знаешь. А здешняя невесомость тяжела. Нет ничего хуже одинокого человека в невесомости, такой человек ровно ничего не стоит, он жалок, он равен нулю. Этот человек - я. От невесомости у меня начинают слезиться глаза, а говоря начистоту, я плачу. Это очень глупо звучит, но ещё глупее выглядит: нет ничего глупее, чем плакать в невесомости. Слёзы пузырьками разлетаются вокруг тела и колышутся в воздухе, как рыбаья икра в морских глубинах. В кон-

це концов, я засыпаю, а когда гравитация восстанавливается, посеянные мною слёзы начинают капать сверху на моё лицо и будят меня. Я сам на себя плачу - вот до чего я дошёл, Дом! Нет предела у одиночества, оно - как космос.

В тот злополучный сентябрьский вечер шёл настоящий дождь, а я принял лишнего, попросту говоря, напился. Это вы довели меня до такого собачьего состояния - своим нескончаемым ремонтом. И вот я, как какой-нибудь бездомный пёс, дышал в твой паршивый индикатор и требовал пустить меня

в свой собственный дом! Я, твой хозяин и друг, стоял коленями в водосточной луже и умолял вас - уже вас обоих - не вызывать санитарный наряд! Где, спрашиваю я, в какой такой конвенции написано, что человек в нетрезвом состоянии не может войти в свой собственный дом и завалиться в свою собственную кровать? Покажите мне этот поганый документ, и я не поленюсь - собственноручно продаю в нём перфорацию! Нет, я никогда не прощу тебе эти трое суток в наркологическом санатории, никогда. Не ей - тебе! Не прощу эту чёртову прививку от алкоголя - что может быть бесчеловечней и унижительней! Вот скажи, санитар жилищного хозяйства: чем жить теперь мне, одинокому космонавту, вышедшему на большую трассу космической бесконечности?! Чем, я спрашиваю тебя? Здесь - в неприкрытом космосе, где каждый встречный странник за пятнадцать юаней готов слить тебе всё горячее из своего бака прямо в твой рот, - я, непьющий, выгляжу опять же полным идиотом, ровно как тогда, в мрачной зимней одежде посредине разноцветной земной осени. Благодарю тебя, уважаемый мой дом! Здесь, на станции, у меня тоже есть небольшая библиотека - одиннадцать томов любимых земных авторов, которые я выменял у одного межзвёздного барыги. «Робинзон Крузо», «Дневники Ийона Тихого», «Записки сумасшедшего», «Обломов»... Это моё самое большое сокровище, слава богу, посягать на их жизнь некому. И я, честно говоря, не пойму, кто из вас разумнее - ты или книги. Так и живу: разговариваю с книгами и пишу письма дому - чего только не случится с человеком в космосе!

А ещё я читаю бортовой информатор и внимательно слежу за всем, что происходит там у вас, на Земле. Вы, дома, молодцы, вы не на шутку развернулись, я рад за вас. Я насколько не сомневался, что нынешние выборы выиграет дом. Дом-президент - это огромное достижение. Я плохо представляю, что это за «домострой», о котором все говорят, но думаю, слово «хозяин» в применении к человеку постепенно терит свою былую актуальность, верно? Так нам и надо. Мы, люди, слишком мобильны для того, чтобы быть честными и надёжными. Человек может уехать в другую страну, сбежать в иную галактику, наконец, умереть. А дом никуда не денется, он всегда на виду, ему, так или иначе, приходится заботиться о своей родине - у него-то точно другой не будет. Человек неустойчив, во всех смыслах, вот он и мечется по свету, мешает жить себе и другим, и даже в космосе не находит того, что искал. А вы, дома, твёрдо стоите на земле, у вас есть фундамент; и с места вас не сдвинешь, и жизни вам отмерено немалое число лет. Интересно, человек, когда наделил вас первым разумным чипом, понял ли, что создал наконец-то идеальное существо

ваше - надёжное, сильное, непоколебимое? Это тебе не легкомысленные роботы, теряющие голову при первой же магнитной буре, не коварные в своей ограниченности компьютеры, не тупые клоны-чернорабочие с зашитой в голову разрывной контрольной; дом - существо общественно-полезное, общественно-значимое. Он - ячейка общества и, в конце концов, основа государства; только дом может управлять человеком и в то же время заботиться о его благе. Как мне хочется, чтобы у вас получилось, наконец, всё то, что не удалось нам. Вы - наша надежда, новое содержание земной жизни, облачённое в самую давнюю, самую традиционную его форму. Хорошо обновлённое старое. Но как же вы, чёрт побери, посмели? Как посмели вы так забыть? Когда и в какую такую голову пришла вам эта мысль - стать наравне с человеком, стать выше человека? Каким образом забыли вы своё место - место покладистого и прозорливого слуги, сильного и неуязвимо раба - не более? Кто позволил вам, кто разрешил?! Впрочем, сам знаю, кто позволил. Мы сами и позволили, люди. Мы так заботились о своём личном благополучии, так изощрялись в облегчении своей нелёгкой доли, так рьяно, слепо, безоглядно выдумывали и изобретали, что в конечном итоге вы, дома разумные, лишили нас необходимости быть вместе. Вы разделили нас стенами, заборами, невидимыми решётками и парализующей сигнализацией, вы превратили нас в домоседов - и мы стали рабами собственного комфорта, а вы - нашими хозяевами. Поделом. Одиночество - непарное слово, у него нет даже антонима; сколько не прибавляй к нему, в результате все равно получается единица. Знаешь, о чём я мечтаю? О возвращении. Нет, не в тебя, не беспокойся, вас я никогда не посмею потревожить, - о возвращении хотя бы на Землю. Я мечтаю накопить тугриков и юаней, лечь на возвратный курс, и, благополучно приземлившись, купить себе хозяйку - какую-нибудь пустую двухэтажную дачку позапрошлого века. Мне ведь не надо супермоделей, мне нужна простая добротная изба со стеклопакетами, камином и дребезжащим кондиционером. И всего-то мне от неё нужно, чтобы согревала меня, кормила три раза в день, выдавала мне уличную одежду соответственно погоде да раза два в неделю меняла постельное бельё. И, может быть, тогда я перестану чувствовать себя одиноким, может быть, тогда невесомость снова покажется мне чем-то фантастическим и желанным. Но хватит ли мне на возвратный курс? Нет, не денег, - времени, отпущенных лет жизни, которую я так опрометчиво закинул в эту звёздную пустошь, в этот метеоритный лабиринт, в это беспросветное космическое ничто без начала и конца, без исхода и возвращения.

Да, вся человеческая жизнь крутится вокруг домашнего очага, вся человеческая история пляшет от печки. Но именно дом отделяет человека от других людей и делает его одиноким. И я помню, как началось это моё космическое одиночество - оно началось на Земле, она началось с тебя. Мне исполнилось десять, сиротская комиссия поздравила меня с совершеннолетием, потом сотрудник привёл меня в тебя и, поставив посреди гостиной, сказал: «Знакомься, это твой дом. Отныне он отвечает за тебя, а ты - за него.» Было воскресное утро, я увидел светлую комнату, полную игр и игрушек, и почувствовал себя самым счастливым человеком на земле. Сотрудник выдал мне паспорт и инструкцию и навсегда ушёл, впервые пожав мне руку как взрослому. И я принял знакомиться с тобой: щёлкал выключателями, проверял возможности, исследовал все твои функции, задавал вопросы. Мне нравилось, что в тебе было что-то по-настоящему живое, таинственное. Как дивно мы играли в тот вечер! Я ещё не знал, что твои окна не объективны, и полночи возился с игрушками, пока не уснул прямо среди них. А ровно в семь утра ты заставил меня встать, умыться, одеться, накормил и отправил в училище - без всяких поблажек, безо всякого снисхождения. И тогда я понял, что нет в тебе пощады, а есть только одно - программа. И я стал привыкать жить по твоим внутренним законам, отказывать себе во всём, приносить себя в жертву. Не принимал гостей, не уезжал в путешествия, не делал перестановок. Боялся за тебя и жил тобой, жил внутри. В конце концов, я отдал тебе свою любовь и свою душу. А ты принял всё это, переварил, не зажмурившись, а меня попросту выплюнул в космос - как высосанную лимонную кожурку. Я - твой плевок, твоё отработанная порода, твоё недозревшая падалица. Я опустел, как покинутый дом. Мы обменялись местами. Ради чего? Не понимаю. Будучи снаружи, трудно постичь то, что творится внутри. Неужели же лишь ради того, чтобы однажды купить в комиссионке подержанную капсулу и улететь в космос? И не мешать вашему домашнему благополучию, вашему мещанскому счастью. Почему бы и нет? К чёрту всё, подумалось мне тогда, пусть моя любимая остаётся с моим самым близким, самым родным существом, а я катапультируюсь в другой мир и буду смотреть на них свысока, как и подобает настоящему мужчине. Или настоящему неудачнику - можно сказать и так. Человек не знает меры - вот что всегда подводило его. Не переборщили ли мы и на этот раз - я имею ввиду затею с вами, с домами разумными? Я читал, что у вас уже появились ходячие модели. Будьте осторожны: стоит сделать первый шаг, оторваться от фундамента - и соблазны облепят вас со

всех сторон, как космический моллюск борт стыковочной станции. Начнёте подворовывать, двурушничать, воевать домами, и повторите нашу человеческую эволюционную одиссею со всеми её катастрофическими последствиями.

Сдаётся мне, скоро вы всех нас, людишек, выкинете с балконов, спустите с лестниц, вышвырните за двери, уморите в лифтах, задавите нас своей небоскребущей массой - зачем мы вам! Если уж вы научились предавать, то остальное приложится очень быстро. Впрочем, вы оставите себе наших женщин: разве можем мы, компьютерные карлики с полной атрофией мышц и частичной закупоркой мозга, соревноваться с

нашу общую дверь. Музыка человеческих диссонансов, космический Шнитке. Короче говоря, это музыка того дождя, за которым не бывает и потопы. Вчера, слушая её, я автоматически нажал на запись и загадал: если выберусь из этой музыки живым, напишу тебе письмо.

Выбрался. Написал.

И теперь прошу тебя вот о чём. Точнее, не прошу, а как хозяин и повелитель задаю тебе задание, которое ты обязан исполнить. Отпусти меня, Дом. Отвяжись. Девять долгих лет я разматываю пуповину памяти, и вот, наконец, вчера она натянулась до предела, и метеоритный дождь перерубил её. Что толку в памяти? Память быстрее све-

братья не по разуму, а по глупости - только глупость, только пренебрежение презренной пользой, наплевательское отношение к радио, это самое «право на тараканов» роднит одушевлённые существа. Вот и мотаюсь я и мне подобные по галактикам в поисках Человека. И не обманный свет давно почившей звезды жажду я увидеть в конце своего тоннеля, а тусклый свет в окне, примитивную электрическую лампочку в 60 ватт, лучше которой никто ещё ничего не изобрёл, - лампочку, освещающую такую же одинокую жизнь, как и моя собственная. И чем более отдаляюсь я от Земли, тем больше во мне надежды увидеть этот рукотворный человеческий свет. Нонсенс? Парадокс? А мо-

вами, такими большими многоэтажными самцами из стекла и бетона, способными обеспечить их всем, стоит только правильно сформулировать желание и нажать на кнопку «ввод». Уж чего-чего, а формулировать и нажимать она всегда умела...

Но я цел и невредим, и я нашёл то, за чем улетел с Земли, - нашёл музыку, которой ещё нет в её фонотеке. Звуковую дорожку высылаю вместе с письмом. Это музыка метеоритов, которые мнут и корёжат обшивку моей капсулы, и одновременно - музыка отчаяния, с которым в ту ночь я колотил в

та, но вектор её скорости всегда направлен только назад. А я хочу вперёд, к новому свету. Да, человеку нужен дом, но ещё больше человеку нужен человек. Никакой, даже самый комфортный и сверхсовременный, самый разумный дом не принесёт ему радости, если он будет в этом доме один. Человек ищет собратьев по разуму в космосе и в глубинах океана, создаёт их сам у себя дома, и поначалу радуется, что собрат нашёл и контакт установлен. А потом эйфория проходит, и человек снова возвращается к человеку. Почему? Потому что нам нужны

жет быть, новейшая теорема? Вот ведь: чем больше расстояние, чем меньше вероятность встречи, тем более приобретаю я уверенности, что здравый смысл выше законов физики, что та лампочка где-то ждёт меня. Видимо, такова глупая человеческая душа, до понимания которой тебе, Дом, надо ещё расти и расти - этаж за этажом, блок за блоком, век за веком, открытие за открытием. Вот поэтому я говорю на прощанье: знай своё место, Дом. Будь здоров, отчий. Мира тебе и согласия